

Лань Цинь в этот момент даже не подозревал, что на нем надеты красные трусы, и что в его рюкзаке лежат два сменных комплекта одежды, к которым прилагались такие же красные трусы.

Ян Цзянь был опытным журналистом и привык к внезапным командировкам. Ему не составило труда убедить старосту разрешить им остаться в деревне на два дня и даже заручиться его согласием на интервью.

— Только в нашей деревне Шилин много правил, — предупредил староста. — Если хотите разузнать побольше, лучше не делайте того, что запрещено, и не трогайте то, что нельзя трогать.

Ян Цзянь выяснил, что в Шилине все жители носят одну фамилию — Чэнь. В деревне около трехсот дворов, а детей называют словами, связанными с золотом, серебром, драгоценностями или пожеланиями мира и счастья. У поколения старосты в именах используется иероглиф Шоу, поэтому его зовут Чэнь Шоуфу.

Чэнь Шоуфу оказался смуглым, худощавым стариком, который в разговоре с Ян Цзянем с важным видом заявил, что способен голыми руками забить дикого кабана. Ян Цзянь тут же принялся расхваливать доблесть и силу старосты, и благодаря такой лести сумел договориться о ночлеге и трехразовом питании.

Внимание Лань Циня было приковано к домам: они были построены из глиняных кирпичей, камней и черепицы. Видно было, что постройки очень старые, но в их простоте чувствовалось свое неповторимое очарование.

Поначалу староста смотрел на Лань Циня мрачно и подозрительно, особенно косо поглядывая на его фотоаппарат, но благодаря стараниям Ян Цзяня, который умел втереться в доверие, им разрешили свободно перемещаться по деревне. Правда, учитывая обилие запретов — не подходить к реке, не приближаться к родовому храму, не покидать деревню без предупреждения, не обманывать жителей — это разрешение выглядело скорее формальностью.

Однако Лань Цинь и Ян Цзянь не стали высказывать недовольства. Журналисты лучше всего умеют импровизировать, так что по ситуации разберутся.

— Взрослые заняты тяжелым трудом, устают так, что сил не остается, это понятно. Но почему даже дети, которые должны резвиться и играть, выглядят так, будто им уже всё безразлично? В моем детстве всё было иначе: я и по крышам лазил, и в реке рыбу ловил, а мама меня за это то и дело лупила.

Ян Цзянь переслушивал слова старосты, проверяя, не упустил ли чего важного. В отличие от большинства жителей, которые ходили с ледяными лицами и полным равнодушием в глазах, этот парень по имени Чэнь Хуцзинь вел себя крайне странно.

Лань Цинь размышлял о фоне этого мира. Здесь постоянно случались всякие чертовщины, и только благодаря работе специальных служб мир еще не погрузился в хаос. Убедившись, что всё в порядке, Ян Цзянь начал жаловаться Лань Циню на то, что деревня явно нечистая.

— Этот Шилин определенно с гнильцой, Лань Цинь. Материала для нашего репортажа будет хоть отбавляй!

Лань Цинь тем временем записывал в блокнот наблюдения: описание обстановки, психологический портрет местных жителей и прочее.

Когда Чэнь Хуцзинь ушел, Ян Цзянь выдохнул, поставил рюкзак на подоконник и принялся проверять камеру и диктофон. Именно Хуцзинь — сын старосты — привел их к месту ночлега. У него еще была сестра по имени Чэнь Хуинь.

Ян Цзянь без умолку болтал о том, насколько жуткое это место. Лань Цинь и он оба почувствовали неладное: Ян Цзянь — из-за обожающего взгляда Хуцзиня, а Лань Цинь — из-за его неестественного энтузиазма. По дороге Ян Цзянь с удивлением заметил, что глаза Хуцзиня постоянно блуждали по Лань Циню, выражая странное, почти липкое восхищение.

Но поскольку им как раз и нужны были подобные странности, Ян Цзянь говорил об этом с помесью страха и возбуждения. Проводив их, Хуцзинь еще хотел помочь с уборкой, но, увидев, что в комнате и так чисто, а Ян Цзянь вежливо отказался, неохотно удалился.

Этот молодой человек был удивительно открытым и энергичным; казалось, весь энтузиазм деревни сосредоточился в одном этом парне. Впрочем, остальные жители были еще более странными.

Как говорится, если вам кажется, что жизнь прекрасна и спокойна, значит, кто-то другой несет ваше бремя вместо вас. Для обычных людей призраки — это нечто либо несуществующее, либо существующее лишь в воображении. Кто-то верит в них, кто-то нет.

Ян Цзянь верил, иначе не набил бы рюкзак всякой всячиной. Лань Цинь поначалу скептически относился к таким вещам, но под напором напарника всё же согласился взять пару оберегов.

Помимо талисманов, которые он носил при себе, на Лань Цине были те самые красные трусы. Он даже не знал об этом, пока не начал разбирать рюкзак и не обнаружил, что четверть места в нем занята амулетами. Вздохнув, он спрятал несколько талисманов и амулетов безопасности во внутренний карман куртки. Делал он это украдкой, чтобы Ян Цзянь не начал свою бесконечную лекцию о том, как важно носить эти сокровища на теле.

Лань Цинь, разумеется, допускал существование злых духов, особенно вспоминая странные события из прошлого и новости, которые видел в сети. Жестокие убийства случались как с подонками, так и с добрыми людьми; злые духи в новостях нападали на всех без разбора. Как шутил Ян Цзянь, встреча с призраком — вопрос невезения. А невезучим людям, как известно,

и холодная вода зубы ломит, так что они чаще становятся жертвами нечисти.

— Обычным людям и так тяжело: работа, семья, а тут еще эти духи угрожают жизни! Лань Цинь, береги эти талисманы, в критический момент они спасут тебе жизнь! Тут и фучжоу, и клейкий рис, и амулеты, и кровь черной собаки, и чернильная нить, и медное зеркало багуа... Я собирал всё это очень долго. Если бы ты не был моим младшим товарищем и другом, я бы ни за что не поделился, ведь у меня дома еще троим нужны такие обереги...

Вспоминая слова Ян Цзяня, Лань Цинь перебирал вещи и вдруг наткнулся на красные трусы, завернутые в одежду. Первым делом он вымыл руки и брезгливо пощупал ткань. В прошлом мире его персонаж страдал фетишизмом и обожал носить красные стринги, что было для Лань Циня сущим мучением. К счастью, Система 1122 тогда была занята делами в центре системы и не следила за его гардеробом, а задание длилось всего пять дней, так что он просто игнорировал эту привычку. Система всё равно не стала бы заглядывать ему под одежду.

Ян Цзянь тоже разбирал свой рюкзак. Поскольку жены рядом не было, приходилось справляться самому. Оба они надели красное белье, и сменная одежда была такой же. Если бы не боязнь выглядеть слишком вызывающе, Ян Цзянь, пожалуй, оделся бы во всё красное. Лань Цинь не подозревал о таких смелых планах напарника — ведь красный цвет может как отпугивать духов, так и притягивать их, если его слишком много.

Закончив с багажом, Ян Цзянь решил, что пора еще раз прогуляться по деревне. Несмотря на то что уже начало смеркаться, дорогу было видно. Командировка длилась всего три дня, в деревне они могли пробыть лишь два, так что нужно было торопиться. Если вернуться поздно, начальник не только не доплатит, но еще и вычтет из зарплаты. Ян Цзянь, будучи тертым калачом, прекрасно знал, как соблюсти баланс между работой и деньгами.

— Лань Цинь, время не ждет. Пойдем опросим жителей, заодно, может, на ужин напросимся. Не хочется снова есть эти невкусные сухие галеты.

Ян Цзянь скривился, выражая всё свое отвращение к сухому пайку. Лань Цинь возражать не стал, хотя и предчувствовал, что из-за холодного отношения местных жителей их, скорее всего, ждет отказ.

<http://bllate.org/book/22225/2319546>